

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ЭКОЛОГИИ

В представленной статье рассматриваются проблемные вопросы курса «Культурная экология», которые являются базисной основой дисциплины. Предлагается обоснование и содержание рассматриваемых вопросов с подробным анализом. Предлагается перечень соответствующей научной литературы.

Наиболее значимыми вопросами в науке «культурная экология» являются следующие: 1. Роль военного и экономического соперничества. 2. История возникновения и развития Западной цивилизации. 3. История возникновения и развития великорусской цивилизации.

Военное и экономическое соперничество

Роль военного и экономического соперничества проявилась в следующем. Прогресс как наращивание военного и экономического могущества повлек также общий рост опасностей. Урбанизация повысила повторяемость и тяжесть эпидемий. Города оказались более чувствительны, чем села, к землетрясениям, просадкам грунта и т. п.

Рост населения и стремление к источникам природных ресурсов заставили осваивать местности с повышенной опасностью наводнений, эрозий и засоления почв, потерь урожая по метеорологическим условиям. С бронзовой металлургией началось не только загрязнение природной среды, но и массовое сведение лесов на топливо, а отсюда – эрозия обнажившихся склонов и т. д.

Наивно полагать, что люди допустили рост природных и иных опасностей для себя и для природной среды по незнанию или легкомыслию и что научные разработки и просвещение ныне смогут сократить экологический и иной ущерб. В последние 5,5 тыс. лет происходил и ныне происходит вполне осознанный обмен рисков: чтобы снизить риск близкого военного или экономического поражения (порабощения), народы идут на всевозможные действия, повышающие могущество государства, но неизбежно сопровождаемые экологическими и иными потерями. Последние предвидятся, но расцениваются как менее важные и к тому же отдаленные во времени. «Не до жиру, быть бы

живу», «прогресс требует жертв», «родина или смерть» – такого рода установка возникла и в религиях.

С началом войн и связанных с ними внутриамериканских, классовых противоречий главным предметом религий стало добро и зло в обществе. Необходимость укрепления государств привела к монотеизму, а с ним и к сокращению культа духов природы. Воспоминания о довоенных временах отразились в легендах об утраченном рае, о «золотом веке», предшествовавшем цивилизации. Во всех религиях признана необходимость обороны, в некоторых – даже право на агрессию. Погибшим в бою обещается лучшая участь в загробном мире. В некоторых религиях возникла идея «экологического оружия» – наказание врагов и грешников стихийными бедствиями, например в иудаизме – «всемирным потопом» и т. п. Тем самым природа, прежде воспринимавшаяся как добрая или нейтральная по отношению к человеку, теперь становится враждебной. Соответственно родилась идея противостояния человека и природы и ее покорения. В целом же экологичность религий снижалась в той степени, в какой из них исчезали духи природы и культы предков, то есть идея взаимобязанности поколений.

На жизнеспособности этносов и цивилизаций (групп, объединенных этносов, суперэтносов) сказывались, разумеется, все виды потерь их потенциала. Но непоправимыми оказались. Первые принимали порой характер экологических кризисов, описанных, например, Р.К. Баландиным и Л.Г. Бондаревым. Механизм истощения духовного потенциала описан П.А. Сорокиным и состоит в следующем. Во-первых, главные носители духовной культуры в силу своего миропонимания чаще участвуют в войнах и чаще гибнут, чем люди иного склада. Во-вторых, ми-

литаризационное трудовое напряжение народа не оставляет достаточного времени на восприятие им духовной культуры предков. В итоге этнос теряет духовное единство, «заболевает» классовыми и региональными противоречиями и распадается. Распад ведет либо к исчезновению этноса, либо к превращению некоторой его части в малый по численности и упрощенный по структуре территориального комплекса населения и хозяйства реликт. Но при сохранении достаточно духовного ядра возможно этнокультурное возрождение, точнее, рождение нового, дочернего этноса.

События такого рода отражены в прошлом как циклы культурно-исторического процесса – расцвета и угасания великих культур, по Н.Я. Данилевскому и О. Шпенглеру, или цивилизаций, по А. Тойнби. Их мнения сводятся к следующему. Во-первых, в условиях международного военного и экономического соперничества смертен всякий этнос. Во-вторых, главной причиной гибели является не истощение природных ресурсов, а духовная, нравственная деградация правящего слоя и воцарение в обществе таких интересов, которые ныне называются «престижным потребительством». В-третьих, продолжительность жизни этноса (цивилизации) измеряется столетиями и оказывается особо велика у тех цивилизаций, которые нашли способы если не предотвратить, то существенно замедлить милитаризационное истощение духовного потенциала. В прошлом эта египетская цивилизация, из живущих – индийская и китайская.

В культурно-экологическом смысле эти выводы убеждают, что развитие этносов при их соперничестве не может быть устойчивым. В каждом цикле культурно-исторического процесса выделяются относительно длительные фазы подъема и относительно короткие фазы упадка мощи и сложности цивилизации. Фазы подъема бросаются в глаза историкам. Знания об этих фазах и о приходившихся на них усложнениях производственных технологий дали основание западноевропейской концепции всемирно-исторического прогресса, утвердившейся во второй половине XIX в.

Возникновение западной цивилизации

Западная цивилизация возникла на окраине погибшей Римской империи в V-VII вв., по оценкам А. Тойнби и П.А. Сорокина. Она врожденно обладает весьма высокой воинственностью, экспансионизмом. В отличие от других цивилизаций, располагавшихся или располагающихся в областях теплого климата, западная цивилизация не получила такого природно-ресурсного потенциала, который позволил бы ей долго поддерживать военную мощь за счет земледелия. Свой уход с исторической арены Запад отсрочил на несколько веков путем гениального освоения новой экологической ниши – минеральных ресурсов для промышленного производства. Но эти ресурсы исчерпаемы, а индустриальное производство загрязняет окружающую среду и, возможно, уже перегружает биосферу. Эти обстоятельства послужили основанием для предсказания глобального экологического кризиса, вероятного в XXI веке. Не исключено, что ресурсный кризис будет отсрочен, а его ход изменен, если Запад сумеет взять невозобновимые ресурсы под свой контроль и добиться снижения населения западной части мира.

Менее известны и обсуждаемы предвидения духовного, цивилизационного кризиса Запада, высказанные О. Шпенглером, П.А. Сорокиным, А. Тойнби. По их мнениям, расходящимся в несущественных деталях, западная культура достигла финальной стадии эволюции, что проявляется в утрате высоких духовных ценностей и замене их индивидуальными эгоистическими интересами, в возникновении и росте культурной аномии. Аномия (буквально – «безнормность») означает исчезновение необходимых всякому обществу единых и непротиворечивых правил поведения. Она видна в наблюдаемом культурологами взаимном отчуждении людей, «атомизации» общества, в утрате связи поколений, в сосредоточенности лишь на заботах текущего дня («презентизм»). Количественно она отражается рос том преступности, алкоголизма, самоубийств, психических заболеваний и т. п. Инерционные прогнозы показывают, что доля такого рода нарушений может перейти-

ти критический для жизнеспособности общества рубеж уже через немногие десятилетия. Одним из следствий культурной аномии является сокращение рождаемости, наблюдаемое в Западной Европе, США и Канаде и имеющее необратимый характер. В некоторых странах собственное население уже почти не растет, в других – начало сокращаться. Требуемая численность рабочих рук поддерживается иммиграцией, а приток чужестранцев возбуждает расизм и этим углубляет культурную аномию.

Отношение западного общества к культурно-экологическому риску имеет следующие особенности. При всей склонности его руководителей к системному анализу и прогнозированию целостная оценка культурно-экологического риска для жизнеспособности народов не проводится, а поступающая со стороны, например из Римского клуба, отталкивается. Это психологически естественно, поскольку такая оценка показывает конечность престижно-потребительского общества. Главным объектом защиты от всевозможных опасностей представляется индивид, его благосостояние, включая качество окружающей среды. Безопасность рассматривается как полезность, часть качества жизни, за которую люди платят, кто сколько захочет и сможет. Но в качество жизни входит еще потребление, рост которого обеспечивается технологическим прогрессом. Отсюда возникает готовность принять рост риска как неизбежный спутник потребительского прогресса.

Экономическим основанием готовности рисковать служит побуждаемое конкуренцией сокращение сроков окупаемости капиталовложений и сроков службы различных изделий, то есть сокращение сроков защиты, определяемых соотношением затрат и выгод. Важна также возможность вывода опасных производств в подчиненные страны.

Психологические основания готовности рисковать многообразны. Презентизм лишает дальновидности в оценках риска. Вера во всемогущество научно-технического прогресса позволяет полагать, что опасностям не дадут слишком вырасти, что какие-то изобретения предотвратят ресурсный кризис.

Эта вера подкрепляется убежденностью, что все блага западного общества, отражающиеся в высоком значении средней продолжительности жизни, созданы им самим, а не заимствованы у подчиненных стран. Вера в удачу поддерживается телевидением, обильно снабжающим зрителей страшными историями с неизменно счастливым концом. В научной продукции ту же роль играют преувеличения в описаниях прошлых экологических кризисов и оценке кризисных состояний общества как импульсов к материальному прогрессу, вершиной которого представляется западная цивилизация.

Наглядным следствием такого отношения к риску является рост числа и тяжести стихийных бедствий и технологических аварий (катастроф), отмечаемый с 1960-х годов в странах Запада и распространяющийся на другие страны по мере глобализации экономики. Увеличивающиеся потери производственного и природно-ресурсного потенциала могут приблизить ресурсный кризис.

Хотя глобальный ресурсный кризис индустриального производства, по-видимому, неминуем, трудно сказать, не наступит ли раньше цивилизационный кризис Запада. После ресурсного кризиса производственный потенциал в наиболее развитых странах вернется, скорее всего, к уровню технологий начала или середины XIX в. (металлургия на каменном угле, водяной и паровой двигатели и другие элементы первого и второго технологических укладов). Особую проблему будет представлять хранение опасных радиоактивных и других отходов индустриальной цивилизации. Из числа современных наибольший шанс на сохранение и последующее процветание имеют цивилизации-долгожители: индийская и китайская. На других пространствах пойдет возрождение, точнее, рождение дочерних по отношению к современным цивилизаций. К сожалению, нет оснований ожидать, что соперничество цивилизаций прекратится. Хотя ни одна из них уже не сможет получить такого природно-ресурсного потенциала, который позволил бы претендовать, подобно Западу, на глобальное господство и создавать глобальные культурно-экологические кризисы.

История возникновения великорусской цивилизации

Великорусская цивилизация возникла в XIII-XIV вв. после милитаризационного истощения древнерусской (Киевской Руси). Она прошла свой пик и находится в состоянии распада, называемого системной трансформацией, агонией общества, параличом государства, психологической катастрофой. Распад наступил вследствие милитаризационного истощения духовного потенциала, он был предсказан П.А. Сорокиным в 1922 г. и пояснен Л.Н. Гумилевым и другими. Явным следствием ослабления русской духовной культуры был переход общественного устройства от сословного, «семейного» к классовому, начатый реформами Екатерины II и продолжавшийся в XIX в. Классовые противоречия и оскудение духовности правящего слоя отразились в росте влияния чужеродных политических учений, революциях и наконец в «приватизации» государства чиновничеством с помощью интеллектуалов. Заключительный урон духовного потенциала пришелся на Великую Отечественную войну. В 1960-е годы в правящем слое возобладало стремление к потребительству, а в 1990-е реформаторы явным образом отказались от традиционных ценностей общинности, братства, взаимопомощи в пользу прав на соперничество ради индивидуального обогащения. С 1960-х годов растут такие проявления культурной аномии, как преступность, самоубийства, алкоголизм. Остановился рост средней продолжительности жизни. В 1990-е годы Россия обогнала по этим показателям все страны Запада, средняя продолжительность жизни и численность населения стали снижаться.

Хозяйство страны становилось всё более вредоносным для природно-ресурсного потенциала, сначала из-за необходимости любой ценой обеспечить обороноспособность государства, а с 1960-х годов из-за корысти ведомств, утративших общенациональные интересы. Параллельно с преступностью и алкоголизмом росли число и тяжесть технологических аварий (катастроф). Деморализация населения, вызванная распадом СССР и хозяйственным хаосом, отразилась в рез-

ком скачке аварийности и в таких перебоях жизнеобеспечения населенных пунктов, при которых стихийным бедствием становится обычный приход зимы.

Таким образом, ныне в России остается высоким природно-ресурсный потенциал (40-70% мировых запасов), почти исчез духовный, поэтому снижаются интеллектуальный и производственный потенциалы. Критическим же для жизнеспособности русского народа оказывается снижение демографического потенциала. Возникла угроза физического и интеллектуального вырождения россиян. Если социально-демографические процессы продолжатся так, как они шли в 1990-х годах, то уже к 2020 г. в России наступит нехватка рабочих рук для поддержания инфраструктуры. Для предотвращения вырождения народа необходимо перенацелить государственную политику со строительства капитализма на подъем здравоохранения, социального и культурного обеспечения, нравственного воспитания. Но этот поворот, в свою очередь, возможен лишь при том, что называется духовным возрождением. Остается надеяться, что новые духовные вожди появятся раньше, чем разрушится русский демографический потенциал. Иначе все проблемы культурно-экологического риска и устойчивого развития на территории России потеряют русский смысл и перейдут в ведение новых народов и государств.

Надо подчеркнуть, что в таком обороте русской судьбы нет персонально виновных злоумышленников, начиная от Ивана Калиты и кончая современными государственными деятелями. Законы эволюции цивилизаций неумолимы, независимо от того, знаем мы их или нет. Важно также, что, согласно А. Тойнби, возрождение народа невозможно ни на прежних, ни на заимствованных со стороны идеях. Для нас это – социализм и либерально-рыночная демократия. Признаком возрождения будет появление общенародных праздников и телевизионных передач, воспитывающих гордость историческим прошлым Российской империи – СССР. Без почтения к прошлому Родины останутся втуне все научные рекомендации по управлению культурно-экологическим риском.

Завершая свое изложение, считаем необходимым подчеркнуть следующее. Понятно, что культурная экология неспособна предотвратить текущие события. Но она помогает понять прошлые и предвидеть будущие особенности жизнедеятельности этносов, в частности их отношение к природной среде и истощению ресурсов, к природным и техногенным опасностям и в целом – отношение к проблеме устойчивого развития. Проблема устойчивого развития зиждется на ответственности. «Структура ответственности, – как отмечает Ю.Ш. Стрелец, – аналогична уровням бытия совести: человек отвечает перед кем-то, за что-то или перед са-

мим собой в непосредственной связи с осознанием «абсолютной вести» (полнотой известного акта) и, следовательно, с глубоким проникновением в смысл жизни. Диалог совести и ответственности – базис морального достоинства человека, которое, в свою очередь, выступает в качестве осознанной меры соотношения совести и ответственности: если человек находится в ответственном диалоге со своей совестью, он аутентичен в своем моральном достоинстве и являет в мир именно самого себя». Это, пожалуй, и является методологической платформой всех изложенных выше аспектов культурной экологии.

Список использованной литературы:

1. Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. – М.: Мысль, 1988.
2. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. – М.: Экспресс, 1993.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляды на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. – СПб. Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1990.
4. Данилов-Данильян В.И., Горшкова В.Г., Арский Ю.М., Лосев К.С. Окружающая среда между прошлым и будущим – М.: Космоинформ, 1994.
5. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Изд-во политическая литература, 1992.
6. Стрелец Ю.Ш. Должен, потому что можешь. (Смысл жизни человека в этическом измерении). Монография. – Оренбург: ИПК, 2000.
7. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1996.
8. Шмидхейни С. и члены Совета предпринимателей. Смена курса. Перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя. – М.: Геликон, 1994.
9. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, 1993.